

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И ЛИТЕРАТУРЫ ВОСТОКА

Период феодализма

Статьи и сообщения

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1986

В.А.Лившиц, М.М.Мамбетуллаев

ОСТРАК ИЗ ХУМБУЗ-ТЕПЕ

Хумбуз-тепе расположено в северо-восточной части Ташсакинского плато, в 17 км к востоку от г.Хазараспа, на левом берегу Амударьи. Впервые этот памятник обследовали в 1973 г. М.М.Мамбетуллаев и Н.Ю.Юсупов в составе отряда Института истории, языка и литературы Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР¹.

Остатки поселения Хумбуз-тепе занимают в настоящее время сравнительно небольшую площадь (около 4 га). Большая часть поселения разрушена и смыта водами Амударьи: русло ее постепенно перемещается к юго-западу, интенсивно размывая левый берег. Со стороны реки на поселении отчетливо прослеживается культурный слой, толщина которого достигает более 1,5 м. Он насыщен фрагментами керамики, скоплениями отходов керамического производства, остатками костей. В срезах культурного слоя хорошо заметно чередование остатков строительных конструкций с гончарными отвалами; это показывает, что на поселении в течение весьма длительного периода существовало гончарное производство. Заслуживает внимания и название памятника – Хумбуз-тепе, – в первой части которого можно видеть производное от хум(b), старого иранского слова, которое обозначало прежде всего крупный глиняный сосуд (авестийское *xumbā-*, древнеиндийское *kumbhā-*, персидское и таджикское *xumb*, *xum*, рано проникшее в тюркские языки), но также любую глиняную посуду, приготовленную для обжига, и, кроме того, площадку для обжига посуды (такие значения засвидетельствованы для ягнобского *xumb*², они могут отражать семантику этого слова не только в согдийском языке, предке ягнобского, но, очевидно, и в некоторых других восточноиранских языках).

Поселение Хумбуз-тепе вытянуто с северо-запада на юго-восток на 520 м, ширина его – 65–82 м. Верхняя площадка памятника относительно ровная, с небольшим уклоном к югу. Вся поверхность обильно усыпана фрагментами керамики. Следы гончарных печей в виде горелых и красных пятен, а также кусков сильно обожженной глины отмечаются в средней части площадки. Таких печей зафиксировано девять диаметром от 2,12 до 7,51 м. Здесь же найдены керамические отвалы, состоящие из золы и шлака. Обнаружены также куски обожженной глины в виде примятых пальцами комков, служивших прокладками между сосудами, и куски обожженных толстых (5–7 см) глиняных дисков. Среди находок имеются: бракованные

сосуды; терракотовые статуэтки; глиняные подставки, употребляемые при обжиге, со следами пальцев мастеров; куски обмазки; куски пластической, хорошо промешанной глины; фрагменты обожженных кирпичей – плигкок толщиной 3–5 см. Многие такие плитки приготовлены грубо, в глину добавлен шамот, но часть плиток изготовлена из светлой, хорошо промешанной глиняной массы. На нескольких плитках сохранились отпечатки довольно тонкой ткани, которой пользовались при формовке.

Интересны находки орудий труда гончаров. Обнаружены, в частности, фрагментированные керамические сита, наковаленка и небольшой круглый жернов серого цвета со следами сработанности, служивший, очевидно, для растирания краски или для измельчения других веществ.

Для изготовления посуды гончары использовали местную материковую пластинчатую глину. Выходы ее на поверхности памятника не прослеживаются: она перекрыта толстым слоем щебенистого песка. Зато такая глина хорошо видна со стороны реки, где толщина глинистого слоя составляет более 2 м. Глина светло-кремового цвета, хорошего качества, примесей не видно. Расположение поселения у реки и наличие больших запасов высококачественной глины способствовали, несомненно, развитию гончарного производства.

Заложенный в средней части поселения шурф (2 x 4 м) прорезал слой общей мощностью 2,1 м. Материалы, собранные на поверхности и полученные из шурфа, показывают, что жизнь на поселении существовала в течение очень длительного времени – с У1 в. до н.э. до 1У в. н.э.

На днищах сосудов, найденных на Хумбуз-тепе, встречаются выпуклые знаки; они, по-видимому, оттиснуты в углублениях на подставках для формовки. На стенках и плечиках сосудов также часто встречаются прочерченные, разнообразные по формам знаки, причем один и тот же знак прослеживается на сосудах как однотипных, так и разнотипных. Это обстоятельство позволяет предположить, что на поселении работали поколения нескольких семей (или родов) гончаров, метивших свою продукцию и предназначавших ее для рынка. Как можно судить по находкам, изготавливались не только хозяйственные, но и культовые сосуды, а также глиняные астролябии.

Таким образом, есть основания считать, что поселение Хумбуз-тепе было одним из важных керамических центров Южного Хорезма на протяжении целого тысячелетия – с У1 в. до н.э. до 1У в. н.э. При оценке экономического значения поселения следует учитывать, что такого количества шлаков и отходов гончарного производства, как на Хумбуз-тепе, ни на одном другом памятнике древнего Хорезма до сих пор обнаружено не было.

При повторном обследовании поселения в 1978 г. в его северной части, среди керамического отвала, был найден фрагмент стенки сосуда с текстом, написанным чернилами (черной "тушью") на обеих сторонах фрагмента. Письмо этого текста может быть определено либо как арамейское, либо как древнехорезмийское. Сосуд, ко-

тому принадлежит фрагмент, изготовлен на гончарном круге из тонко отмученной глины. Черепок в изломе красноватый; наибольшая длина — 6,3 см, ширина — 5,5 см, толщина — 1,2 см. Внешняя поверхность покрыта беловатым ангобом, на который нанесен красной краской орнамент в виде завитков. По технике изготовления и росписи сосуд можно предположительно отнести к 1У–1 вв. до н.э.

Текст расположен на обеих сторонах черепка, поэтому ясно, что перед нами — остракон, а не надпись на целом сосуде. Это обстоятельство подчеркивает значение находки на Хумбуз-тепе: до сих пор хорезмийские остраки были почти неизвестны³.

Текст начинался на внешней (выпуклой) стороне, здесь сохранились средние части шести строк (ил. 2). На внутренней (вогнутой) стороне уцелели части трех строк (ил. 3), почерк тот же, что и на внешней стороне. Возможно, что отломы уничтожили первые строки на обеих сторонах черепка, а также последнюю строку на внешней стороне.

Т р а н с л и т е р а ц и я ⁴

Внешняя сторона:

(х? + 1)] x šw(m) [
 (2)] (.) wpn 10 [
 (3)] h 20 sy [
 (4)] h 10 xwzynk⁵ (.) [
 (5)] (n) 3 + 3 + 3 [
 (6)] (x) rw(t) k 'm⁶ [

"... [доставили?]: ... Хшум ...; ...упан-10; ... -20; Се ...; ... -10; Хвазенак ...; ... -9; Хрутак вместе с ...".

Внутренняя сторона:

(х? + 1)] 100 + 20 + 20 + 20 + 20(.) [
 (2)] m'k 4 sx(.) [
 (3)] (k?) 3 twrk 3 [

"... 180 ...; ...мак -3; Сах...; ... -3; Турак -3 ...".

Как можно судить по сочетаниям имен собственных и цифр, остракон содержал хозяйственную запись — реестр выдач или доставок каких-то предметов. В дошедшей до нас части текста нет глаголов и предлогов, которые могли бы более точно указать на характер документа. Можно отметить, что аналогичные по структуре реестры известны по парфянским остракам из Нисы⁷, Коша-депе⁸ и Дура-Европос⁹. Фрагменты сходных реестров есть также среди неопубликованных хорезмийских документов на коже из дворца Топрак-калы.

На фрагменте остракона из Хумбуз-тепе не сохранилось также обозначения исчисляемых предметов. На внешней стороне, в строках 3 и 4, перед цифрами стоит буква h, которая может быть последней буквой двух имен собственных, но также и сокращенным обозначением меры объема. В последнем случае отсутствие обозначений мер перед цифрами в строках 2, 5 внешн. и 2, 3 внутр. могло бы объясняться тем, что выше, в начале документа, была уже обозначена та-

кая более крупная мера, по отношению к которой мера *h* является частью. Мера *h* известна по парфянским реестрам на остраках из Нисы (I в. до н.э.) и Коша-депе (начало I в. н.э.), причем в этих реестрах она употребляется для измерения муки. Сокращенное написание *h* может быть объяснено скорее всего как аббревиатура для арамейского названия меры *hīn*; эта мера, согласно Библии, была равна 9,1 л, в аршакидской Парфии величина ее составляла около 8 л¹⁰.

Если считать *h* в остраконе из Хумбуз-тепе также аббревиатурой для *hīn* (иранское соответствие для этой арамейской меры остается неизвестным), то текст мог бы быть определен как запись поступлений или выдач муки.

В строке 6 внешн. чтение 'м кажется наиболее вероятным. Это арамейский предлог "вместе с, с", известный как идеограмма в среднеиранских письменностях. В раннехорезмийском соответствующий предлог звучал, по-видимому, как *haδ* или *aδ*, из древнеиранского *hada*; более поздняя хорезмийская форма *δ* известна по текстам XIII-XIV вв. (на арабской графике). Идеограмма 'М для предлога совместности засвидетельствована в согдийской¹¹ и парфянской письменностях; в одном из неопубликованных парфянских остраков из Нисы (реестр доставок муки) встречается несколько раз сочетание "имя собственное + предлог 'М + имя собственное".

Поскольку буква ' (айин) по форме не отличается от г и δ (арам. *далет*), вместо 'м в остраконе из Хумбуз-тепе можно читать *gm* или *δm* и считать эти буквы началом слова. Следует, однако, учитывать, что данное слово не могло быть именем собственным, поскольку, во-первых, во всех других строках сохранившейся части документа двух имен собственных подряд не встречается; во-вторых, при таком перечислении имен ожидался бы соединительный союз или предлог.

Другая возможность толкования *gm*, если избрать такое чтение, связана с восстановлением *gm[y]* и объяснением этого слова как идеограммы "низкосортный", употребляющейся применительно к муке в парфянских остраках из Нисы и Коша-депе¹². В таком случае в строке 6 внешн. (x)rw(t)k *gm[y]* можно было бы перевести как "Хрутак (доставил или получил) ... (мер муки) грубого помола".

В строке 1 внутр. цифру 180 следует скорее всего понимать как промежуточный итог — общее количество продукта (муки?), выдачи или доставки которого были перечислены в предшествующей части документа. Заманчивое на первый взгляд восстановление в отбитой части строки, перед цифрами, идеограммы *BŠNT* "год", известной по другим хорезмийским памятникам¹³, и чтение "Год 180 ..." (*BŠNT* 180...) противоречат археологической и палеографической датировкам остракона из Хумбуз-тепе. 180-е годы хорезмийской эры, начало которой приходилось на какой-то год между 20 г. до н.э. и 30 г. н.э.¹⁴, соответствовали бы второй половине II или началу III в. н.э., к этому периоду относятся датированные по хорезмийской эре документы из Топрак-калы, а они и по археологическим данным и по па-

леографии гораздо более поздние, чем остракон из Хумбуз-тепе. Более достоверным с точки зрения палеографии было бы объяснение 180 + ... года как даты по аршакидской эре, что соответствовало бы 60-м годам до н.э. Но в этом случае пришлось бы предположить, что Южный Хорезм какое-то время входил в состав Парфянского царства и что в хорезмийских канцеляриях пользовались аршакидской эрой – до конца 1 в. до н.э. – начала 1 в. н.э., когда Хорезм добился независимости, стал выпускать собственную царскую монету и когда в летосчислении перешли на местную эру.

Обратимся теперь к именам собственным, засвидетельствованным в остраконе. Установление точного чтения этих имен затруднено прежде всего особенностями древнехорезмийской графики – близостью начертаний букв δ и γ ; w и y ; w, y и z . Следует также учитывать, что, хотя в документах из Топрак-калы, надписях на оссуариях из Токкалы¹⁵ и Миздахкана¹⁶, а также на монетах царей Хорезма¹⁷ содержится немало личных имен, исследование древнехорезмийской ономастики только начинается. Следует также учитывать, что в позднехорезмийских памятниках на арабской письменности – основном нашем источнике для изучения хорезмийской лексики и грамматики (хорезмийская версия словаря аз-Замашари *Мукаддимат ал-адаб*, хорезмийские глоссы в сочинениях ал-Газмини и некоторых других авторов XIII – начала XIV в.)¹⁸ – хорезмийских по происхождению личных имен нет.

Остракон из Хумбуз-тепе сохранил полностью лишь три имени: *Xwzynk* (строка 4 внешн., варианты чтения – *Xūzynk*, *Xwūynk*), *Xrwtk* (6 внешн.) и *Tyrk* (3 внутр., вариантное чтение – *Tyrk*). Имя *Xwzynk* = *Xwāzēnak* этимологизируется как "обладающий хорошим оружием", из др.-ир. **Xva-zaina-ka-*, ср. авестийское прилагательное *hu-zaēna-* "с хорошим оружием" и др.-ир. и.с. **Huzaīna-*, засвидетельствованное у Курция Руфа (9, 10, 19) в латинской передаче *Ozines*¹⁹. Для древнеиранских вариантов *hu-/hva-/xvā-* "хороший, красивый" ср., например, авестийское прилагательное *hu-xšaθra-* "владеющий хорошим царством" и и.с. *X^hāxšaθra-*²⁰.

Для чтения *Xuzynk* = *Xēzēnak* (?) наиболее вероятным кажется сопоставление с др.-ир. корнем **hiz/*xiz* "двигаться, ползть, подниматься", который отмечен во многих иранских языках, в том числе в хорезмийском *xūz-* "подниматься, всходить" (например, *Миқ.* 168:3 – о траве), хотанско-сакском *hīys-* "подниматься, достигать", согдийском *xēz-* "ползть", осетинском *hezun*, *xizun* "лезть, карабкаться, переправляться", персидском *xēz-* "подниматься, вставать", пашто *hež-* "подниматься, всходить", а также во многих префиксальных глаголах²¹. Суффикс *-ēnak*, из **-aīna-ka-*, хорошо известен в гипокористических парфянских именах²², он выступает также в хорезмийском имени *Wapēnak* (*wnynk*, от **van-* "побеждать"), засвидетельствованном в одном документе из Топрак-калы.

Наконец, для чтения Хwуwnk возможны два объяснения: Хwēwа-
nak, букв. "самопобеждающий", из др.-ир. *xvai-vanā(t)-²³, с
гипокористическим суффиксом -ak, или Хwауōnak, "обладающий хо-
рошей обителью", из *хва-уапа-, авест. уаопа- "место, оби-
тель; путь"²⁴.

В имени Хrwtk (строка 6 внешн.) первая буква повреждена в
результате облома черепка, но определение ее как х (арам. хет)
кажется вполне надежным, поскольку у других "широких" букв
(h, m, p, s, t) иные начертания. Хrwtk = Хrūtak означает бук-
вально "сердитый, злючка", по форме это гипокористик с суффик-
сом -ak, образованный от засвидетельствованного в Авесте при-
лагательного хrūta- "свирепый, жестокий". В хорезмийской оно-
мастике представлен и бессуффиксальный вариант этого уменьши-
тельного имени — Хrūt (хrwт) в неопубликованной надписи на ху-
ме, найденном Б.И.Вайнберг в 1980 г. при раскопках поселения
Гяур-кала (IV—II вв. до н.э.). К основе хrūta-, с гипокори-
стическим суффиксом *-(a)iča-, восходит древнеиранское и.с.
*Хrūtaiča-, засвидетельствованное в эламской передаче Kur-ru-
te-iz-za²⁵.

Тwrk-Тūrak (строка 3 внутр.) из др.-ир. *Тūra-ka-, ср.
авест. tūra- "тур, туранец", и.с. Тūra- — этническое название
в качестве личного имени²⁶, перс. Tūr, Tūra, Tūrak, Tūrānšāh,
Tūrānduxt²⁷, согд. Тwr'k (монеты)²⁸, twrk (мугские документы)²⁹.
Для вариантного чтения Турк наиболее вероятной кажется тран-
скрипция Тīrak — гипокористическое имя от древнеиранского тео-
нима *Тīri-, ср. Туру' (r/k · m) — и.с. в хорезмийской надписи
на фрагменте глиняной фляги, найденном на Кой-Крылган-кале³⁰,
а также туру (Ток-кала), јуру (=cīrī, ал-Беруни) — в хорезмий-
ском календаре названия 4-го месяца и 13-го дня.

Среди теофорных хорезмийских имен особый интерес вызывает
сохранившееся в остраконе (строка 1 внешн.) лишь частично имя
Хšwm/. Теоним хšwm (хšwm, вариантное написание — 'хšwm) изве-
стен в хорезмийском как название 12-го месяца, а также в не-
скольких именах собственных, например 'хšwпу'п, букв. "имеющий
милость божества Хшум" (надпись на I Бартымской чаше), 'хšwmβnt
"раб божества Хшум" (надпись из Ток-калы, № 21, строка 3). Этот
теоним широко представлен также в согдийской ономастике и в сог-
дийском календаре³¹.

Таковы данные об именах собственных, которые можно почерп-
нуть из текста остракона. Несмотря на фрагментарность этого тек-
ста, он дает представление о структуре хозяйственных учетных до-
кументов, составлявшихся в канцеляриях древнего Хорезма, и обога-
щает наши знания о хорезмийской ономастике.

Еще большее значение имеет остракон из Хумбуз-тепе для ара-
мейской и хорезмийской палеографии. По начертаниям букв этот
остракон близок к нескольким надписям, найденным на памятниках
древнего Хорезма. Среди них следует прежде всего упомянуть над-
пись на верблюжьей челюсти, которую обнаружил Ю.П.Манылов при

раскопках крепости Бурлы-кала, расположенной на южном окончании одного из отрогов хребта Султануиздаг (в 6 км западнее комплекса крепостей Аяз-кала)³². Фотография этой хорошо сохранившейся надписи недавно опубликована³³. Надпись (ил. 4), начертанная черными чернилами, содержит два столбца, всего 10 строк, в каждой строке по одному имени собственному: I столбец: (1) $\delta h'kynk$ (= $\Delta h\bar{a}k\bar{i}nak$, букв. "меч дахов"); (2) $snywrnyk$ (= $Asn\bar{i}warn\bar{i}k$, "верящий в $asni$ ", ср. авест. $asnya$ - "гении пяти частей суток"); (3) $ystzynk$ (= $*Yastz\bar{e}nak$, "опоясанный оружием", авест. $y\bar{a}st\bar{o}$, $za\bar{e}nu$ - с тем же значением); (4) $'z\beta'uk$ (= $\bar{a}z\bar{\beta}\bar{a}yak$, "призывающий", от др.-ир. $*\bar{a}-zb\bar{a}ya-$); (5) $xtymk$ (этимология этого имени неясна); (6) $ksy\bar{s}tk$ (= $Kasi\bar{s}tak$, "наименьший, меньшой", ср. бактрийское или кушано-сакское имя $Kani\bar{s}ka$ со сходным значением, из др.-ир. $*kani\bar{s}taka$ - "младшенький", согласно этимологии, предложенной Г.В.Бэйли и В.Б.Хеннингом); (7) $\beta\chi u$ (= $\beta a\chi u$, "обладающий долей от бога")³⁴; II столбец: (8) $x\bar{s}wmnk$ (= $X\bar{s}um\bar{a}nak$, "обладающий мыслью божества $X\bar{s}um$ ", из $x\bar{s}um + man$); (9) $\delta unyk$ (= $\Delta\bar{e}n\bar{i}k$, гипокористик от двучленного имени с $\delta\bar{e}n$, авест. $da\bar{e}n\bar{a}$ - "религия; божество, персонифицирующее маздаяснийскую веру; религиозное я маздаяснийца"); (10) $t'w\bar{y}wk$ (= $T\bar{a}w\bar{y}awak$, "обладающий сильным скотом").

Ю.П.Маньков датирует эту надпись IY-III вв. до н.э., основываясь на керамике, найденной вместе с надписью в материковой яме помещения 1 крепости Бурлы-кала. Он резко возражает против датировки надписи II - первой половиной I в. до н.э., которую предлагал В.А.Лившиц, поскольку такая датировка "противоречит всему комплексу археологического материала, находящего аналогии на многочисленных памятниках Хорезма"³⁵.

Поскольку в настоящее время известно уже несколько надписей, найденных на памятниках древнего Хорезма и относимых археологами к периоду ранне II в. до н.э., проблема датировки таких надписей должна быть рассмотрена детально. Если эти надписи считать хорезмийскими не только по месту их находки, но и по графике и языку, то в этом случае нам придется признать, что в Хорезме сложение местного алфавита на основе арамейского и перевод делопроизводства с арамейского языка на хорезмийский (с сохранением в письменности многочисленных арамейских идеограмм) произошли значительно раньше, чем в соседних Парфии и Согде, а также в Парсе.

В.Б.Хеннинг на основе анализа надписей на монетах правителей Парса показал, что замена арамейского языка среднеперсидским в этой стране произошла в конце II в. до н.э. - в это время на монетах впервые удается найти идеограммы, свидетельствующие о том, что смена языков осуществилась (идеограмма BRH "сын" вместо правильного с точки зрения арамейской грамматики br).

Для территории Парфии письменные памятники, которые можно отнести к парфянским по языку, известны только начиная с I в. до н.э. Более ранних согдийских памятников также до сих пор не

обнаружено. Для Хорезма В.Б.Хеннинг мог привлечь только те немногие надписи, которые были опубликованы до 1958 г. Хеннинг полагал, что переход в письменности от арамейского языка к местным среднеиранским происходил в Восточном Иране и в Средней Азии примерно в тот же период, что и в Парсе, — не ранее второй половины или даже конца II в. до н.э.³⁶

Если согласиться с этими выводами Хеннинга, то либо надписи из Хорезма, датируемые археологами периодом ранее II в. до н.э., мы должны считать арамейскими, а не хорезмийскими, либо следует значительно — на одно-два столетия — удредить смену в письменности арамейского языка хорезмийским. Так как системы идеограмм в четырех известных до сих пор среднеиранских письменностях (среднеперсидской, парфянской, хорезмийской, согдийской) значительно различаются в деталях, мы не вправе предположить, что этот переход осуществился до падения Ахеменидов: единообразная практика арамейских канцелярий ахеменидской империи не могла привести к появлению, например, идеограмм BRH "сын" в Парсе, но BRY в Согде и в Парфии, равно как и различных в Парсе, Согде, Парфии и Хорезме идеограмм для таких важных в делопроизводстве понятий, как "год", "месяц", "день". Таким образом, арамейский язык в письменности сохранялся по крайней мере до падения Ахеменидов. Остается неясным, когда могла произойти смена письменных языков в Средней Азии; в Парсе этот процесс осуществился лишь к концу II в. до н.э.

Замена арамейского местными среднеиранскими языками не сопровождалась реформами арамейского алфавита: этот алфавит, продолжавший традицию "имперского арамейского", эволюционировал очень медленно; возникшие на его основе среднеперсидская, парфянская, согдийская и хорезмийская письменности (были, несомненно, и другие среднеиранские алфавиты арамейского происхождения) лишь постепенно стали различаться по формам и количеству букв. Поэтому мы не сможем отличить по одной лишь графике старейшие тексты на среднеиранских языках от текстов арамейских: необходимо наличие идеограмм или иранской апеллятивной лексики, написанной "раскрыто" — по-ирански; ясно также, что присутствие в тексте иранских личных имен, топонимов или даже отдельных иранских титулов и названий реалий (технических терминов в широком смысле) не может само по себе решить вопрос о языке текста: иранские термины, как показывают арамейские документы и надписи ахеменидского времени, а также более поздние (середина III в. до н.э.) надписи Ашоки, широко заимствовались в арамейский. Проникновению иранской лексики в арамейские деловые тексты особенно способствовала практика устного перевода с иранских языков на арамейский и обратно, широко применявшаяся в Иране и Средней Азии при Ахеменидах и сохранявшаяся, очевидно, в течение какого-то времени и после завоеваний Александра Македонского.

Между тем во всех ранних надписях, обнаруженных до сих пор в Хорезме, нет ни бесспорных идеограмм, ни "раскрытых" написаний

апеллятивов. Языковая принадлежность этих надписей остается по-
этому точно не установленной: они могут быть либо хорезмийскими,
либо арамейскими. В последнем случае их транслитерация должна
следовать обычной системе передачи графики арамейских текстов:
b, g, d, h вместо, соответственно, хорезмийских β, γ, δ, х;
арамейское 'm вместо идеограммы 'M и т.д. Важно отметить,
что, если эти надписи считать арамейскими, они окажутся едва ли
не единственными арамейскими текстами, обнаруженными на терри-
тории Средней Азии³⁷.

Для графики этих надписей характерна близость начертаний
большинства букв к "имперско-арамейскому" прототипу. Особенно
показательны формы h, w, z, m, r, š, t. В краткой надпи-
си, вырезанной на хуме, который был обнаружен при раскопках
Большой Айбуйир-калы в слое, археологически датируемом концом
У-1У в. до н.э., вообще нет палеографических признаков, которые
были бы чужды "имперско-арамейскому" письму: mru 10+1 h 9
"1.1 мари 9 х." (объем сосуда)³⁸. Можно заметить, что форма
буквы у в этой надписи, как и в надписи из Бурлы-кала, иденти-
чна ахеменидским текстам "имперско-арамейского", тогда как в
других ранних надписях из Хорезма начертания этой буквы значитель-
но варьируют, отклоняясь от ахеменидских начертаний у. Сближение
форм у и w, характерное для поздних хорезмийских текстов (в ос-
суарных надписях из Ток-калы и Миздахкана у и w очень часто
вообще не различаются), выступает уже в некоторых ранних надпи-
сях. Столь же характерными следует считать формы букв ' , s, p
в остраконе из Хумбуз-тепе и в надписи из Бурлы-кала, отличающие-
ся от начертаний этих букв в "имперско-арамейском" и свидетель-
ствующие о возникновении специфических особенностей в арамейской
графике Хорезма. Такие формы s, p выступают и в более поздних,
уже несомненно хорезмийских по языку текстах; характерный хорез-
мийский *алеф* поздних текстов и монетных легенд, очень сильно упр-
ощенный сравнительно с арамейским прототипом, возник, очевидно,
из варианта, засвидетельствованного в остраконе из Хумбуз-тепе,
надписи из Бурлы-кала и в нескольких надписях из Кой-Крылган-кала.

Можно надеяться, что исследование других эпиграфических нахо-
док, сделанных в Хорезме в самые последние годы, позволит уточ-
нить картину эволюции арамейской письменности в Хорезме, более
полно изучить палеографические признаки, характерные для последо-
вательных этапов развития хорезмийского алфавита, и тем самым
приблизиться к созданию палеографической шкалы датировки памят-
ников; возможно также удастся найти дополнительные критерии, ко-
торые позволят более уверенно отличать арамейские по языку надпи-
си от хорезмийских.

¹ М. Мамбетуллаев, Н. Юсупов. Археологические работы в
Хорезмской области. — Археологические открытия 1973 года. М., 1974,
с.483.

2 М.С.Андреев, Е.М.Пешерев. Ягнобские тексты. С приложением ягнобско-русского словаря, составленного М.С.Андреевым, В.А.Лившицем и А.К.Писарчик. М.-Л., 1957, с.362.

3 В 1981 г. при раскопках крепости Калалы-гыр 2 Б.И.Вайнберг нашла острак, начертанный арамейским или древнехорезмийским письмом и относящийся, по археологическим данным, к IY-II вв. до н.э. Хорезмийскому остракону принадлежат, вероятно, два склеившихся фрагмента стенки сосуда с хорезмийским текстом на внешней стороне, найденные на Кой-Крылган-кале, в яме 1 в восточной части помещения 10-а (ССЗ). См.: Кой-Крылган-кала - памятник культуры древнего Хорезма. Под ред. С.П.Толстова и Б.И.Вайнберг. М., 1967 (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, У), с.220-222, рис. 83, 6; 84, 6. Уровни строк на первом и втором фрагментах не совпадают, поэтому можно предположить, что текст содержал два столбца. Такое расположение текста и наличие цифры 10 (строка 3 второго фрагмента) указывают, что перед нами часть остракона, а не надпись на целом сосуде. С.П.Толстов относил этот текст к периоду не позднее II в. до н.э., полагая, что на Кой-Крылган-кале нет памятников древнехорезмийской письменности, которые были бы моложе этого времени (там же, с.220). Однако, по палеографическим данным (формы букв *алеф*, *каф*, наличие лигатур), этот текст из Кой-Крылган-калы следует, по нашему мнению, относить к I-II вв. н.э.

4 В круглые скобки заключены частично поврежденные буквы; /в начале строки и /в конце строки указывают соответственно на утраченные части строк.

5 Менее вероятны чтения хузунк, хууунк.

6 Или идеограмма 'М, см.ниже.

7 И.М.Дьяконов, В.А.Лившиц. Парфянское царское хозяйство в Нисе I века до н.э. (Образцы документов). - ВДИ, 1960, № 2, с.37; они же. Новые находки документов в Старой Нисе. - Переднеазиатский сборник. II. М., 1966, с.145-146.

8 V.A.Livshits. New Parthian documents from South Turkmenistan.-Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae (далее - AAASH). T.XXV, 1977, с.157-185.

9 J.Harmatta. Die parthischen Ostraka aus Dura-Europos. - AAASH. T.VI, 1958, с.87-175.

10 V.A.Livshits. New Parthian, с.174.

11 N.Sims-Williams. A Sogdian ideogram. - Bulletin of the School of Oriental and African Studies (далее - BSOAS). Vol.XXXV. P.3 1972 с.615

12 V.A.Livshits. New Parthian, с.172-173.

13 Документы из Топрак-калы, надписи на серебряных чашах, надписи на оссуариях из Ток-калы.

14 А.В.Гудкова, В.А.Лившиц. Новые хорезмийские надписи из некрополя Ток-калы и проблема "хорезмийской эры". - "Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР". 1967, № 1, с.8; В.А.Лившиц. Хорезмийский календарь и эры Древнего Хорезма. - "Палестинский сборник". Вып. 21 (84). Л., 1970, с.164-165. Б.И.Вайнберг (Монеты древнего Хорезма. М., 1977, с.79) предлагает относить начало хорезмийской эры к 40-м - началу 50-х годов I в.н.э., однако ее аргументация не кажется нам убедительной (так, недоказанным представляется отождествление царя Азкацвара с Чиганом (или скорее Циганом, Цифаном), который, согласно некоторым источ-

никам, правил в Хорезме в начале VIII в.; отметим попутно, что предлагаемое Б.И.Вайнберг сопоставление имени этого правителя с топонимом Чагаң (Чаганиан) и отсюда гипотеза о чаганианском происхождении Чигана совершенно безосновательны. Ср.: Г.Г.Ойбоу. Ранние походы арабов в Среднюю Азию. Автореф. канд. дис. Баку, 1980, с.14-157.

¹⁵ С.П.Толстов, В.А.Лившиц. Датированные надписи на хорезмийских оссуариях с городища Ток-кала. — "Советская этнография". 1964, № 2, с.50-69; W.B.Henning. The Choresmian documents. — "Asia Major". New Series. Vol.XI. P.2, 1965, с.166-179.

¹⁶ В.А.Лившиц. Хорезмийские надписи на оссуариях с некрополя Миздахкана. Приложение к кн.: В.Н.Ягодин, Т.К.Ходжайов. Некрополь древнего Миздахкана. Таш., 1970, с.247-252,

¹⁷ В.А.Лившиц. Хорезмийский календарь; с.166-167; Б.И.Вайнберг. Монеты древнего Хорезма, *passim*.

¹⁸ Zeki Velidi Togan. Muqaddimat al-Adab, with the translation in Khorezmian. Istanbul, 1951 (факсимильное издание рукописи, далее цитируется как Muq.); J.Benzing. Das schwaremische Sprachmaterial einer Handschrift der Muqaddimat al-adab von Zamaḡṣarī. I. Text. Wiesbaden, 1968; А.А.Фрейман. Хорезмийский язык. Материалы и исследования. I. М.-Л., 1951; W.B.Henning. A Fragment of a Khwarezmian dictionary. Ed. by D.N.MacKenzie. L., 1971.

¹⁹ F.Justi. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895, с.237; W.Hinz. Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen. Wiesbaden, 1975, с.130.

²⁰ Chr.Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904, Sp. 1817, 1819, 1875; M.Mayrhofer. Die avestischen Namen. Wien, 1977 (Iranische Personennamenbuch. Bd I. Fasz. 1), с.102, № 404.

²¹ I.Gershevitch. Ancient survivals in Ossetic. — BSOAS. Vol.XIV. P.3, 1952, с.488-493; H.W.Bailey. Dictionary of Khotan Saka. Cambridge, 1979, с.484.

²² Например, в остраках из Нисы: Aspēnak ('spynk), Ātarēnak ('trynk), Xwarzēnak (ḥwzryn) и др.; ср. также Tīrēnak (tyryn) в остраках Нисы и Коша-депе, см.: V.A.Livshits. New Parthian, с.184-185.

²³ Для xvai- "свой, собственный" в антропонимах ср., например, др.-ир. *xvai-šānah-, букв. "имеющий собственное желание, своевольный", в эламской передаче Ma-a-za-na, см.: W.Hinz. Neue Wege im Altpersischen. Wiesbaden, 1973, с.111; он же. Altiranisches Sprachgut, с.138; M.Mayrhofer. Onomastica Persepolitana. Wien, 1973, с.197, № 8. 1061.

²⁴ Ср. древнеиранские имена собственные в эламской передаче: *Yauna-barja-, *Vahu-yauna-, *Hiθ-yauna-, *Ura-yauna-, см.: Mayrhofer. Onomastica, № 8. 1050; 8. 1699; 8. 1805; Hinz. Altiranisches Sprachgut, с.121, 246, 252, 274-275.

²⁵ Hinz. Neue Wege, с.111; он же. Altiranisches Sprachgut, с.134.

²⁶ Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch, Sp.656; Mayrhofer. Die avestischen Namen, с.81, № 309.

²⁷ Justi. Iranisches Namenbuch, с.329.

28 О.И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963, с. 43, примеч. 131; она же. Сводный каталог согдийских монет (Бронза). М., 1981, с. 21, рис. 3; с. 92-93 [twr'k xwß в надписи на монете означает "государь Turak" (или Ture), но не "xwß туров", как полагала О.И.Смирнова].

29 В.А. Лившиц. Согдийские документы с горы Муг. Вып. 2. Юридические документы и письма. М., 1962, с. 61, 160, 162; М.Н. Боголубов, О.И. Смирнова. Согдийские документы с горы Муг. Вып. 3. Хозяйственные документы. М., 1963, с. 44, 55, 58.

30 Верхние части последних трех букв не сохранились, см.: Кой-Крылган-кала, с. 17, 220-222, рис. 83, 3; 84, 3. С.П. Толстов предлагал читать *tyr/by' /skrmk* и датировал надпись не позднее III-II вв. до н.э., основываясь на архаических начертаниях букв *tau*, *йод* и *цаде* (там же, с. 220; ср. также: С.П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 130). Пятая буква надписи, несомненно, *алеф*, а не *цаде*; сходные начертания алефа в остраконе из Хумбуэ-тепе (*ʃm'k*, строка 2 внутр.) и в раннесогдийском алфавите (надписи на ранних монетах, ранние согдийские надписи из долины верхнего Инда).

31 Согд. *xšwtus*, *'xšwtus* — название 12-го месяца (ср. также согд. *xšwt* у ал-Беруни, *'wxšwtspus* в датировочной формуле согдийской наскальной надписи из Кулан-сая, долина р. Талас; *'xšwms'rk* в одном древнеуйгурском тексте из Турфана — указано П. Циме); и.с. *xšwtšntk* в мугских документах.

32 Ю.П. Манылов. Археологические памятники Султануиздага эпохи античности и раннего средневековья. Автореф. канд. дис. Таш., 1972, с. 7; Ю.П. Манылов, Г.Хожаниязов. Городища Аязкала 1 и Бурлыккала (к изучению фортификации древнего Хорезма). — Археологические исследования в Каракалпакии. Таш., 1981, с. 39-47.

33 Ю.П. Манылов, Г.Хожаниязов. Городища, с. 38, рис. 3, 2 (фотографию в книге повернуть на 180°!).

34 Менее вероятно чтение *βxw = βααxw*. "обладающий жизнью благодаря богу" — хорезмийское сложение *βαυ + axw*, а не унаследованное др.-ир. **Bagāhw(a)-*, из *bagā-ahu-*. Можно заметить, однако, что конечное *-y* в этом имени отличается по начертаниям от *йод* в начале и середине других имен.

35 Ю.П. Манылов, Г.Хожаниязов. Городища, с. 44, примеч. 4.

36 W.B. Henning. *Mitteliranisch. — Handbuch der Orientalistik. 1. Abt. Bd IV. Abschnitt 1. Leiden-Köln, 1958, с. 25-28.*

37 Надпись на перстне-печати из Амударьинского клада, содержащая одно слово (очевидно, имя владельца) — *Whšw (Waxsu)* — и относящаяся к концу IY — началу III в. до н.э., может считаться арамейской. Место изготовления перстня точно неизвестно (Парфия? Бактрия?). См.: W.B. Henning. *Mitteliranisch*, с. 24; Е.В. Зеймалъ. Амударьинский клад. Каталог выставки. Л., 1979, с. 61, № 105.

38 М. Мамбетуллаев. Хум с городища Большая Айбуйир-кала с древнейшей надписью в Средней Азии. — "Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР". 1979, № 1 (75), с. 46-48, рис. 2.

39 См.: Кой-Крылган-кала, с. 220-222, рис. 83, 1; 84, 1 (наиболее вероятное чтение этой надписи: *spyrk = Spīrak*, и.с.); рис. 83, 2; 84, 2 (*mtry*, также и.с.); рис. 83, 3; 84, 3 (об этой надписи см. выше, примеч. 30).